

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Э73

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

A STORY OF SURVIVAL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Архивные фотографии предоставлены
Helen Epstein, Ronnie Golz, Doron Leitner

Фотоматериалы предоставлены агентствами
Getty Images (фото на обложке George Marks)
и Shutterstock/FOTODOM

Художественное оформление — *Денис Барковский*

Эпштейн, Фрэнси.

Э73 Война Фрэнси / Пер. с англ. яз. А. Лысиковой. —
М.: Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Свидетели Холо-
коста).

ISBN: 978-5-17-120003-9

Летом 1942 года двадцатидвухлетняя Фрэнси Рабинек прибыла в Терезин, концентрационный лагерь и гетто в сорока милях к северу от своего дома в Праге. Это было началом ее трехлетнего путешествия из Терезина в чешский семейный лагерь в Освенциме-Биркенау, в лагерь рабовладельческого труда в Гамбурге и Берген-Бельзене. После освобождения англичанами в апреле 1945 года она наконец вернулась в Прагу.

Война Фрэнси — это обескураживающая история невероятно сильной молодой женщины, которая пережила ужасы Холокоста и выжила.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2020 by Franci Rabinek
Epstein

© Оформление, ООО «Издательство
АСТ», 2020

ISBN: 978-5-17-120003-9

Глава 1

Это был жаркий день в начале сентября 1942-го. Выставочный комплекс «Выставиште»¹ был полон людей. Многие лежали или сидели на разбросанной по полу соломе; кто-то бесцельно бродил кругом в тупом оцепенении. Ушли в прошлое блестящие выставки достижений чехословацкой промышленности, создававшие атмосферу веселого праздника.

В детстве я часто приходила в «Выставиште» — у электротехнической фирмы моего отца «Рабинек и Коралек» был здесь отдельный стенд. Походы сюда доставляли мне всегда огромную радость. Домой я приносила бесплатные образцы продукции, воздушные шарики и стопки глянцевых каталогов. Но сегодня я не вернусь домой, потому что «Выставиште» превратили в сборный пункт для депортации нежелательных элементов, то есть, согласно Нюрнбергскому расовому закону, для евреев.

Удивляться нечему. Ловушка закрывалась уже три года, но систематические унижения и «промывание мозгов» шли медленно и не всегда успешно. Все это время наше человеческое достоинство оставалось нетронутым. В те дни ситуация, в которой мы оказались, была

¹ Исторический выставочный комплекс в Праге, построенный в 1891 году. — *Примеч. ред.*

для всех новой. Но то, что с нами внезапно стали обращаться как с домашним скотом, стало для всех шоком.

Мне было 22 года, и я лежала в оцепенении, опустив голову на мамины колени. Совсем недавно мне удалили миндалины. Я не ела уже несколько дней, и было тяжело дышать наполненным соломенной пылью воздухом. Мама все время гладила меня по голове и уговаривала выпить хоть немного воды. Отец ходил от одного знакомого к другому, пытаясь выяснить, что же с нами будет. Эсэсовцы, то и дело врывавшиеся в помещение, выкрикивали приказы и забирали по несколько евреев-мужчин чистить уборные. Они нарочно выбирали самых солидных — стариков в очках. Одним из таких был мой отец.

Когда в больнице мне сообщили, что за мной и родителями приехала машина, фельдшер, друг нашей семьи, сказал:

— У тебя была операция. Мы можем сказать им об этом, и ты никуда не поедешь.

Я немного подумала и ответила:

— Нет, я не отпускаю их одних. Они уже в возрасте, и, кроме меня, у них никого нет.

Маме тогда было шестьдесят, а отцу — шестьдесят пять. Я не могла представить, как эти два человека уйдут куда-то без меня. Хотя в этом была и доля эгоизма. Мужа рядом не было. Без родителей я бы осталась совсем одна. Кроме того, к сентябрю 1942-го я была сыта по горло ограничениями, которые действовали в Праге, и решила: там в любом случае будет лучше, чем здесь. К сожалению, я всегда была такой.

Глава 2

Гитлер вторгся в Чехословакию 15 марта 1939 года, через две с лишним недели после того, как мне исполнилось 19 лет. Я совершенно не интересовалась политикой, и знала только, что все мои бабушки и дедушки были евреями. За год до того мама передала мне в управление свое ателье по пошиву одежды от-кутюр. Я была беззаботной, немного избалованной девушкой и интересовалась только танцами, ателье, флиртом и лыжами — именно в таком порядке.

Мой отец Эмиль Рабинек родился в семье венских евреев в 1878 году. Он был младшим сыном чиновника и твердо верил в ассимиляцию. В двадцать лет он принял католичество, чтобы обойти *numerus clausus*¹ — квоту для евреев в университете Берлина. Во время Первой мировой войны он без особого энтузиазма сражался в рядах австрийской армии, а в 1918 году горячо приветствовал образование Чехословакии. Он прожил в Праге много лет. Несмотря на то, что эмоционально и культурно отец продолжал оставаться австрийцем, он считал образование Чехословакии неким экспериментом в области социальной демократии, новой Швейцарией

¹ «Ограниченное число» (лат.) — Здесь и далее примеч. переводчика.

в центре Европы, где все меньшинства обладали равными правами, и решил стать гражданином Чехословакии.

Последовавшие за тем двадцать лет жизни оправдали его выбор. Как член немецкоговорящего общества Праги, отец покровительствовал немецким клубам, театрам и концертным залам. Он любил повторять: «Я немецкий гражданин Чехословакии». Отец так и не выучил чешский. Почти вся наша обширная библиотека состояла из немецких книг и переводов на немецкий французских, английских и русских произведений. Он привил мне любовь ко всему немецкому, или, по крайней мере, привычку воспринимать все через немецкий язык. В доме не было ни одной чешской книги, пока я не подросла и не начала покупать их сама.

Хотя отца много раз предупреждали об опасности, которую несет нацизм, он отмахивался от новостей, приходивших из Германии, как от пропаганды. Отец верил в немецкую порядочность и справедливость, честь и цивилизацию. Он ни секунды не сомневался в том, что Чехословакия — сильная страна, а ее суверенитет гарантируют французские и английские союзники. Даже оккупация Австрии в марте 1938 года не пошатнула его уверенности, и он заклеил сбежавших из Вены двоюродных братьев трусами. Гизела Рабинек Крамер, его старшая сестра, и некоторые из ее детей остались в Вене. Их поступок лишней раз доказывал папе, что нет никаких причин для паники и бегства.

Финансовые вопросы тоже сыграли свою роль. Когда я родилась, в феврале 1920-го, отец был богатым человеком — совладельцем верфи и электротехнического предприятия оптовой торговли. После обвала на Нью-Йоркской фондовой бирже в 1929 году его состоя-

ние сократилось. И все же мы по-прежнему жили вполне обеспеченно, в прекрасной квартире, наполненной книгами и картинами. Но к тому времени, когда немцы оккупировали Чехословакию, главным источником дохода семьи стало наше с мамой ателье, которое раньше отец считал лишь капризом эмансипированной деловой женщины. Теперь же папа работал у нас бухгалтером. Предприятие процветало, но мы вложили в него большую часть нашего капитала, и было бы не просто перевести его в иностранную валюту на черном рынке. Папа часто повторял: «В нашем возрасте без капитала не эмигрируют».

Но, несмотря на все смелые разговоры, отец тайно от меня писал письма двоюродному брату в Англию, чтобы я могла уехать из страны. Его старания не увенчались успехом, и только спустя четверть века я узнала от исполненного чувством вины дяди, как отчаянно отец умолял его сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти меня. Должно быть, на этом настаивала мама. Она чувствовала, что чешский народ в целом и нашу семью в частности постигла ужасная катастрофа.

Хотя мама, Йозефа Пепи Саксел, тоже родилась в Вене, она владела чешским в совершенстве и была беззаветно предана чешскому народу. Ее родители умерли, когда ей было девять, и в 1891 году сестра отца, тетя Роза, забрала маму вместе с двумя старшими братьями к себе в чешский город Колин.

Мама вспоминала, что Розалия Саксел Лустфильд была очень бедна и крайне набожна. Она часто бывала в местной синагоге и больше времени тратила на обсуждение Талмуда со странствующим хасидом, нежели на управление своим магазином подержанной одежды.

Братья вскоре убежали кто куда: Эмиль Саксел поступил на службу во флот Австро-Венгерской империи и обосновался в Братиславе, а Рудольф Саксел подался в уличные торговцы и в конце концов стал богатым пражским оптовиком. Пепи, которой тогда было только девять, осталась в Колине, учила чешский, ходила в среднюю школу и была обречена на жизнь в безмерной любви, истовой религиозности и жестокости тети Розы. За несколько лет это сочетание разрушило все, что связывало маму с иудаизмом, и превратило ее в агностика. В этом также сыграло роль дело Хилснера. На Пасху 1899 года, когда Пепи было 17, чешскую портниху-католичку нашли мертвой в луже крови. Главным подозреваемым стал бродяга-еврей Леопольд Хилснер. Его обвинили в ритуальном убийстве. Мама рассказывала, что по стране тогда прокатилась волна погромов, не обойдя стороной и Колин.

Еще одной причиной того, что мама отошла от иудаизма, стала ее первая любовь: она влюбилась в юношу из богатой еврейской семьи Колина, но его родители поспешили отослать его за границу, чтобы он не женился на бедной сироте.

Тетя Роза научила племянницу оценивать стоимость поношенной одежды, а еще она научила ее шить. Когда же Пепи исполнилось двадцать, она последовала примеру братьев и покинула Колин. Мама перебралась в Прагу, поселилась у брата, Рудольфа, и устроилась на работу в «Мориц Шиллер», один из самых известных магазинов одежды в городе. В течение двух лет она стала его *directrice*¹ и покупателем.

¹ «Управляющая» (фр.)

Мама не хотела выходить замуж, но, чтобы развеять опасения тети Розы касательно ее целомудрия и жизни в большом городе, она связала себя узами брака с бывшим колинским одноклассником и стала госпожой Оскар Вайгерт.

В начале 20-го века Пепи каждый год ездила в Париж и стала настоящей искусенной деловой женщиной. А вот брак обернулся катастрофой, потому что у Оскара был сифилис — неизлечимая в те годы болезнь. В 1908-ом у мамы случился нервный срыв. Тогда ее босс посоветовался с тетей Розой, двумя состоятельными братьями Пепи, и им удалось аннулировать ее брак — на том основании, что он не был окончательно оформлен. Йозефа Вайгерт переехала в пансионат, где и познакомилась с инженером-электриком Эмилем Рабиным. После десяти лет отношений, смерти тети Розы и его матери, в декабре 1918-го года они поженились.

Эмиль Рабинек не возражал против того, чтобы Пепи делала карьеру, но он не хотел, чтобы она работала у кого-то в подчинении. Поэтому Пепи открыла свое ателье «Салон Вайгерт», примыкавшее к их квартире в доме 53 по улице Спалена. Мама хорошо относилась как к чешским, так и к немецким клиентам, возможно, чуть больше импонируя первым. Многие из них обожали ее и были не только клиентами, но и друзьями. У мамы сложились прекрасные отношения с чешскими работницами и работниками.

В феврале 1920 года родилась я, и, сколько себя помню, мама всегда уравнивала папину любовь ко всему немецкому.

Сама я всегда была предана Республике Чехословакии. В конце концов, я там родилась и была всего лишь

на два года моложе этой страны. Я считала себя гражданкой Чехословакии. Родители пытались воспитать меня гражданином мира. Дома звучал немецкий, за его стенами — чешский, я же училась во французской школе в Праге, была католичкой, посещала мессы и исповедовалась. Я знала, что некоторые мои родственники были евреями, потому что раз в год вместе с Mutti¹ навещала могилу тети Розы на Еврейском кладбище. Но религия меня почти не интересовала. К тринадцати годам я начала сомневаться в истинности католической догматики и вскоре попросила папу изменить в моих документах графу о вероисповедании на «неверующая».

Вот такой была моя еврейская семья, когда 15 марта 1939 года немцы оккупировали Прагу.

¹ Матушка (*нем.*)

Глава 3

В апреле на пороге нашего дома появился высокий, по-прусски короткостриженный светловолосый мужчина, и вежливо представился комиссаром, направленным *Reichsprotector*¹ для того, чтобы «ариизировать» наше еврейское предприятие. Просмотрев записи и понаблюдав за работой мастерской, он пришел к выводу, что ателье зиждется на вкусе и старании его владельцев, а также на их отношениях с клиентами. Потому он решил, что мастерская не станет для него «золотой жилой». Намекнув, что его жене нужны новые платья, комиссар по секрету посоветовал нам «на бумаге» передать предприятие одному из наших сотрудников, а самим остаться в качестве наемных работников.

Когда комиссар ушел, мы с матушкой вышли к сотрудникам, чтобы обсудить сложившееся положение. Нашим швеям и портному не было еще и тридцати, и мы так верили в их преданность, что нам и в голову не пришло беспокоиться о том, что это предложение может дойти до слуха властей.

Казалось, они не были удивлены. Подобные случаи уже стали в Праге обычным делом, но мы не думали, что с нами это случится так скоро. Разговор о том,

¹ Рейхинспектор (нем.)

кто станет владельцем ателье «на бумаге», перерос в оживленную дискуссию. Мы сказали, что объявим решение на следующий день. Родители боялись передавать источник средств к существованию в руки работника, каким бы преданным он ни был, в то время как я считала это отличным и простым решением проблемы. На самом деле выбора у нас не было. Мы могли просто закрыть ателье, но тогда нам бы пришлось жить на отложенные сбережения, а десятки человек лишились бы работы.

На другой день мы предложили Мари, которая работала у нас дольше других, стать частью сделки. Надежный адвокат и член чешского подполья, который организовал не одну подобную передачу имущества, подготовил секретный договор. Мы с Мари должны были получать равную зарплату и делить прибыль пополам. Дабы обставить все более правдоподобно, адвокат дал Мари займы, чтобы она могла выкупить у нас бизнес. Мы вернули ему ссуду. Контракт был захоронен в саду его загородного дома. Художник изменил имена на вывеске ателье. После этого жизнь более-менее вошла в привычное русло, за исключением того, что персонал отныне обращался к Мари не просто по имени, а не иначе как «Мисс Мари». Наши клиенты, в том числе и немцы, избегали высказываться по этому поводу. Некоторые осторожно интересовались, получила ли моя мама свою законную долю.

Затем началось систематическое унижение чехов в целом и евреев в частности. Сначала появилось определение того, кого же считать евреем, — любого, у кого хотя бы по одной линии бабушка и дедушка были ев-

реями. Я узнала, что все мои бабушки и дедушки были евреями.

Потом евреям запретили появляться в общественных местах, а на улицах, игровых площадках, в кофейнях, бассейнах и театрах появились подтверждающие этот запрет знаки: «ЕВРЕЕМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

И только река все еще была нам доступна.

Профессоров-евреев выгнали из университетов. Докторам-евреям было разрешено лечить только евреев, а их врачебные кабинеты конфисковывались один за другим. В конце концов все предприятия, принадлежащие евреям, подверглись «ариизации», а Национальная коллегия адвокатов исключила из своих рядов всех евреев. Но некоторые чешские организации и предприятия не спешили следовать их примеру. Чешский филармонический оркестр сопротивлялся дольше всех, почти год. Национальное спортивное общество «Сокол»¹ выполнило требования, но многие региональные филиалы организации в частном порядке дали понять евреям, что им там, как и прежде, рады.

Нам было приказано носить желтую Звезду Давида, в центре которой было написано «ЕВРЕЙ». Она должна была быть нашита на верхней одежде с левой стороны — там, где сердце. Любой, кто не подчинялся этому приказу, подлежал немедленному аресту. Мы с отцом сочли это страшным оскорблением, мама приняла это философски, возможно, как наказание за то, что долгое время игнорировала свое происхождение.

¹ Молодежное спортивное движение, основанное в 1862 году. Помимо спортивного воспитания активно прививала своим членам идеи чешского национализма и панславизма. Во время немецкой оккупации было запрещено.